К. М. БЫКОВ

Мои первые встречи с И. П. Павловым

Почти 40 лет назад, окончив курс в Казанском университете, я был оставлен при физиологической лаборатории для приготовления к профессорскому званию. По обычаю того времени через год или два мне предстояла командировка за границу для знакомства с работой лабораторий в западных странах. Однако счастливая случайность изменила мой план аспирантской подготовки. У букиниста в Казани я купил и прочел книжку И. П. Павлова под названием «Лекции о работе главных пищеварительных желез», вышедшую в свет в 1897 г. Я понял, что у нас в России живет и работает необычайно оригинальный исследователь, открывший новые пути изучения деятельности животного организма. Тогда у меня появилось желание побывать в павловской лаборатории и познакомиться с нашим великим ученым, прежде чем поехать в Западную Европу. Из журнальной литературы я знал, что Павлов ведет интенсивную работу и создает новую главу в физиологии, до сих пор неизвестную ученому миру. Мало того, мы, молодые работники, прислушивались особенно чутко к тем критическим статьям и разговорам о том, что Павлов ушел от физиологии и занимается бесплодным изучением психической деятельности. Эти разговоры усугубляли интерес к необычайной и дерзкой попытке физиолога проникнуть в запретную область познания психического мира животных и человека. Я обратился с письмом к Ивану Петровичу, в котором просил разрешения приехать в Петербург в летние каникулы 1914 г., а во время зимних каникул посетить его лабораторию и договориться о предполагаемой летней работе. К своему удивлению, через неделю я получил ответ, в котором Иван Петрович писал: «Я очень рад видеть Вас в моей лаборатории и предоставить Вам возможность в ней работать и все знать и видеть, что у нас делается», и в заключение письма: «Готов сделать все, что

для меня возможно в данное время, чтобы сделать пребывание в моей лаборатории Вам полезным и интересным». Это письмо буквально потрясло меня. Совершенно необычайным для того времени было такое товарищеское, дружеское отношение мирового ученого к начинающему работнику.

Я вскоре воспользовался предложением Ивана Петровича и, в январе 1914 г. получив командировку, приехал в Петербург и пошел в павловскую лабораторию. Не зная лично других физиологов, кроме своих весьма известных казанских учителей, я, как провинциал, не бывший до сих пор в столице, представлял себе, что встречу какого-то необыкновенного, может быть, несколько сурового, замкнутого ученого, перед которым я должен трепетать и которому я робко должен изложить свои пожелания. Но все произошло не так, как я предполагал.

Ивану Петровичу, находившемуся в верхнем этаже, в своей лаборатории Института экспериментальной медицины, сообщили, что я пришел. Вскоре я увидел, как по лестнице сбегает ко мне седой, но чрезвычайно бодрый человек, называет меня по имени и отчеству (очевидно, он спросил, как меня зовут) и начинает расспрашивать, как я доехал, как работают физиологи в Казани, а через 2—3 мин. говорит: «Пойдемте, я вам покажу, что у нас делается».

Павлов обладал необыкновенным даром излагать просто и ясно предмет, и через полчаса он ввел меня в ту работу, которая шла в лаборатории. Так как это было время зимних каникул, то я приехал только на две недели. Все это короткое время я находился в каком-то необыкновенном состоянии, впитывая в себя впечатление творческой атмосферы павловской лаборатории, пребывание в которой было для меня настоящим научным праздником. Яркое пламя научного энтузиазма, страстность в исканиях самого Ивана Петровича, его необычайная исследовательская напряженность и какая-то особенная животворящая атмосфера всей лаборатории так на меня подействовали, что я находился в каком-то восторженном настроении.

В то время в лаборатории разрабатывался вопрос о движении процессов возбуждения и торможения. При помощи маленького органа — слюнной железы — можно было с часами в руках измерять и скорость, и направление движения этих удивительных процессов, текущих в бесчисленных нервных клетках коры мозга. Наблюдая удачный опыт, Иван Петрович говорил мне: «Считайте, Константин Михайлович, себя счастливым, так как первый видите замечательное явление, протекающее в мозговой коре». И это действительно были счастливые часы созерцания

чудесных явлений природы, впервые обнаруженные в лаборатории Павлова благодаря гениальному методу, созданному великим экспериментатором.

После окончания опытов, ровно в 5 час. 30 мин. (Павлов работал с точностью лучшего хронометра) мы вышли вместе из лаборатории и пошли по Лопухинской улице на Каменноостровский проспект и здесь сели в трамвай. По пути Иван Петрович поинтересовался, где я остановился по приезде в Петербург. Я ответил, что поселился у своих знакомых на Спасской улице (ул. Красных курсантов). Проехав по Большому проспекту до угла Введенской улицы, мы оба вышли. Заметив, что я плохо ориентируюсь в большом городе, Иван Петрович проводил меня почти до самого дома, где я накануне остановился.

Два раза в неделю мы ходили с Иваном Петровичем пешком из Института экспериментальной медицины на Аптекарском острове через Сампсониевский мост на Выборгскую сторону в Военно-медицинскую академию. Словоохотливый, увлекающийся Павлов много рассказывал о своих работах и трудностях, о равнодушии общества к науке и о разъединении русских физиологов. В его горячих словах чувствовалось желание объединить русских ученых и поднять знамя отечественной науки, так как он верил в творческие способности русских людей и в мощь нашей страны.

В работе Павлова поражали изящество и последовательность его планов, настойчивость и упорство в достижении намеченных задач. Павлов думал вслух, всегда делился со всеми своими учениками предположениями и проектами новых опытов и, по выражению одного из наших физиологов, «не входил, а влетал в лабораторию», и это заражало всех участников его дела, работа шла бурными темпами и создавала возвышенную атмосферу подлинного научного коллектива, небывалого по своим размерам.

В советский период деятельности Павлова участники работ павловской лаборатории были поглощены и увлечены теми высокими целями, которые стояли перед учителем. До И. П. Павлова никому из ученых на протяжении многих веков не удавалось взять в руки факты, ощущаемые только поэтами и философами, раскрывающие деятельность головного мозга, удивительного аппарата, который материально обеспечивает все высшие проявления животного организма. Недаром в конце своего творческого пути Павлов сказал: «Да, я рад, что вместе с Иваном Михайловичем и полком моих дорогих сотрудников мы приобрели для могучей власти физиологического исследования вместо по-

ловинчатого весь нераздельно животный организм. И это — целиком наша русская неоспоримая заслуга в мировой науке, в общей человеческой мысли».

Так посчастливилось мне впервые иметь общее с великим ученым и великим патриотом нашей Родины, с которым в дальнейшем мне удалось проработать еще десять прекрасных лет, полных творческого воодушевления и увлечения, в поисках научных истин в неизведанных еще областях.

<1965>